

Вот идет женщина, у которой самые красивые ноги в Северо-Луцке и районе! — истошно заорал кто-то сзади, и Лида чуть не выронила сумку. — Привет, Золотая Ножка!

Испуганно обернулась. Тощий, рыжий парень вытянул трубочкой толстые губы, сделал ими плотоядное: «Чмок!» — и пошел своей дорогой, то и дело, впрочем, оборачиваясь и меряя сладострастным взором предмет своего восхищения.

Вернее, предметы — ног-то было две.

Какой, оказывается, приятный город Северо-Луцк и какие приятные живут в нем люди! Главное, сообразительные: парень за какие-то полминуты успел сопоставить Лидины ноги с ногами всех местных женщин и присудить золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей» именно ей. Человек-компьютер! Наверное, в голове у него собрался солидный банк данных, и вот мгновенно...

И вдруг Лиду осенило. Да почему мгновенно-то? Наверняка не раз любовался молодой человек «самыми красивыми ногами в Северо-Луцке и районе», не раз, конечно, выкрикивал вслед им что-то подобное.

«Золотая Ножка!» Как же Лида сразу не догадалась? Сонька Золотая Ручка, знаменитая одесская воровка.

А «Золотая Ножка» — это наверняка о ее сестрице. Сонька Золотая Ножка...

«Значит, мы все еще похожи, — подумала она почему-то испуганно, хотя, наверное, этого следовало ожидать от двойников-близняшек даже через двадцать семь лет после их появления на свет. — Меня приняли за нее, вот и всё. Мои ноги — за ее!»

Обиженно поджала губы. Значит, и вождение в глазах рыжего парня, и его сладострастное «Чмок!» не имели к ней, Лиде Литвиновой, никакого отношения. Все предназначалось Соне Богдановой.

Острый приступ зависти едва не заставил ее повернуть к вокзалу. Уже не впервые испытывает Лида это режущее чувство. Первый раз — как только прочла случайно найденное письмо Ирины Богдановой (своей родной матери, как выяснилось) и увидела выпавшую из конверта фотографию пятнадцатилетней девчонки с длинной челкой и яркой улыбкой.

Сначала показалось, это она сама, но такой фотографии у себя Лида не помнила. К тому же глаза и губы у девчонки были явно подкрашены, и в памяти мгновенно всплыло, сколько сражений ей пришлось выдержать в свое время с родителями... следовало бы уточнить: с приемными родителями! — которые ни в какую не позволяли ей выстричь челку, а тем паче — краситься, даже когда Лида собиралась на дискотеку. А если она возвращалась хоть на минуту позднее десяти вечера, в доме начиналось просто-таки мамаево побоище! У этой девчонки, конечно, было несчетно парней, которые провожали ее домой и с которыми она всю целовалась, конечно... Не то что Лида, которая поцеловалась впервые в двадцать лет, а когда решила наконец (в двадцать пять годиков!) переспать с мужчиной, не нашла ничего лучшего, как в самый ответственный момент лишиться чувств от их избытка.

Герой ее романа тоже оказался слабоват в коленках и так струхнул, что дал дёру, оставив Лиду распростертой на полу (эксперимент проводился не в тривиальной койке, а на раскиданных в живописном беспорядке мехах, роль которых исполняли Лидина новенькая норковая шубка и дубленка Анны Васильевны). А тут родители возьми да вернись с дачи! Увидав окровавленную — пардон! — дочь, в непотребной позе лежащую на раскиданных вещичках, Анна Васильевна решила, что имели место быть грабеж, изнасилование и убийство. Она тут же рухнула рядом с Лидой в тяжелейшем припадке...

Об этом тоже неохота было вспоминать, но вспоминалось всякий раз, когда Лиде взбрело в голову фантазия повторить опыт. Черта с два! Первое впечатление — самое сильное, и если кое-кто называл ее мужененавистницей, он был не так уж сильно не прав.

Лида потрянула головой, отгоняя ужасные картины, послушно всплывшие перед глазами, и смахнула слезинку.

Вот глупость, а? Разве ради этого приехала она сюда, в Северо-Луцк, и разве к слезам располагало замечательное приветствие, которым встретил ее рыжий губастый парень: «Вот идет женщина, у которой самые красивые ноги в Северо-Луцке и районе!» Может, он и имел в виду при этом Соню Богданову, но видел-то он перед собой Лиду Литвинову, и комплимент по праву предназначался именно ей.

Настроение слегка исправилось. Лида победно усмехнулась и пошла дальше по улице Красных Зорь, отыскивая номер 21-а на домах, которые отродясь не знали нумерации, но где-то на окраинах сознания билась-трепетала вороватая мыслишка, которая родилась у нее при первом же взгляде на фотографию

накрашенной пятнадцатилетней красотки — ее сестры-близнеца: «Вот бы мне быть такой! Ну почему, почему Литвиновы отдали матери именно Соньку, а не меня!»

* * *

Струмилина тормознули на самом въезде в Северо-Луцк. Посмотрел на часы — ну ничего, время пока есть поприпираться с этим лейтенантом, настолько заморенным жарой, что в лице его появилось почти жалкое выражение, а голубые глаза казались выцветшими. Сколько в такую отъявленную погоду вспыхивает опасных стычек между властью имущими и теми, кого они по службе гнут в дугу! С другой стороны, против лома нет приема, молчи, терпи и плачь, как писали классики.

Классики, как всегда, оказались правы.

Опасно улыбнувшись, лейтенант проверил документы, коварно подергав ремень безопасности, однако зря старался: Струмилинин пристегивался всегда, надо или не надо, с тех пор, как ровно год назад чуть не погиб: водителю внезапно стало плохо за рулем, а доктор Струмилинин по лихости своей пренебрегал привязным ремнем. Ваныч, бедняга, так и помер тогда от чертова тромба, ну а Струмилинин хоть и поломался немножко, но выжил все-таки.

— Багажник откроем, — велел инспектор.

Ничего интересного, кроме запаски в чехле, в багажнике не оказалось. Ее потребовали расчехлить. Потом последовал очередной приказ: дыхнуть.

Струмилинин исправно дыхнул. Поскольку ничего, кроме «Саровской», он в этот день не пил, инспектор разочарованно сморщил нос.

— А теперь на меня дыхни, — предложил отошедший от проверенного им «мерса» другой инспектор —

прапорщик. Даром что был он в звании пониже первого — возрастом куда старше, и во взоре у него не было ни грамма усталости. Карманчик на груди прапора заметно оттопыривался серо-зеленым: похоже, водила «мерса» откупался по всем правилам.

Даже более опытный нюх прапорщика не смог уловить ничего подозрительного в выдохах Струмилина. Лейтенант поиграл желваками.

— Пойдемте, в трубочку дышнете, — приглашающе махнул он на бунгало, в котором размещался пост ДПС.

— Пойдемте, — с видимой охотой согласился Струмилин, начиная размышлять, что бы это значило.

Да пожалуй, ничего особенного. Скорее всего, ребяташки, едва заступив на дежурство, уже начали заботиться, как будут снимать стресс вечером, вот и прицепились к бедолаге с номерами другой области.

Между тем инспектор был явно огорчен его готовностью подвергнуться экспертизе.

— Нет, не надо, — вдруг затормозил он, сделал к бунгало ДПС всего один шаг. — Лучше покажите ваш тексталон.

Струмилин и бровью не повел — показал.

— Все в порядке, — простонал инспектор, готовый признать поражение. — Извините... у вас водички попить не найдется?

Струмилин подал ему непочатую бутылку «Саровской» и с жалостью смотрел, как лейтенант хлобыщет из горлышка, постепенно возвращаясь к жизни. «Как бы ни ожил настолько, что прицепится уже всерьез!» — вспомнил Струмилин старинную сказку про какого-то Ивана, не то царевича, не то дурака, который напоил однажды в схожей ситуации Кошечья Бессмертного водичкой — на свою беду напоил!..

— Ну что? — спросил вдруг прапор. — Будем протокол составлять?

Лейтенант поперхнулся.

— За что? — осведомился Струмилин.

— А за езду с непристегнутыми ремнями, — сообщил прапорщик.

— Это с чего же вдруг? — не в шутку удивился Струмилин, вспомнив, как назойливо дергал лейтенант за ремень.

— С того, что, когда я к вам подошел, ремень не был пристегнут! — сообщил прапорщик.

Струмилин растерянно моргнул. Крыть нечем: не был ремень пристегнут. Похоже, такая маленькая деталь, как то, что Струмилин в это мгновение не сидел в кабине, а стоял возле багажника, не играла никакой роли. И он опять подумал про Ивана-царевича... нет, все-таки дурака!

— Уймись, Васильев, — сказал наконец-то прокашлявшийся «Кощей» — в смысле лейтенант. — Все в порядке там было с ремнем. Иди тормозни того синого, родилось у меня подозрение, что у него аптечки нету!

На миг в разочарованном взоре прапора, устремленном на Струмилину, вспыхнуло вождение: у него-то аптечку не проверили! — однако он не посмел послушаться старшего по званию и, поигрывая жезлом, кинулся чуть не под колеса старенькой противно-синой «Волге», которая сразу пообещала поживу ДПС, предательски завизжав тормозами.

Возмевший недостаток влаги и обретший совесть лейтенант даже попытался вернуть полупустую бутылку. Струмилин с усмешкой махнул рукой на заднее сиденье, где лежали в пластиковой разорванной упаковке еще девять таких же бутылок:

— Да пейте на здоровье!

— Ого! — с уважением сказал лейтенант. — Крепко затарились. Дорога долгая?

— Нет, я уже практически приехал. А это — нижегородские сувениры друзьям. У вас такой воды нет.

— Значит, конкретно в наш городишко едете? — спросил лейтенант, озабоченно шныряя глазами, обретшими натуральный васильковый цвет, по вверенному ему участку шоссе. — Командировка или как?

«А не пошел бы ты подальше?» — осведомился Струмилин мысленно, однако вслух, неожиданно для себя, сказал правду:

— На поминки еду. Сегодня година дружку моему. Я не был ни на похоронах, ни на всяких девятинах-сороковинах — в аварию попал, — ну вот, надо почтить память.

Васильковые глаза лейтенанта внезапно приковались к его лицу, что-то мелькнуло в них — особенное, — и он спросил тихо:

— Это, случайно, не Костя Аверьянов?

Струмилин от неожиданности даже охрип:

— Он самый.

— Царство небесное, — тихо сказал лейтенант и, кинув бутылку и жезл под мышку левой руки, торопливо перекрестился.

— Царство небесное, — машинально отозвался Струмилин, глядя на него во все глаза. — А вы что, знали Костю?

— Мы соседи, — пояснил лейтенант. — *Были* соседи, да... Сегодня жена моя собирает стол для тех, кто захочет его помянуть. Эта-то сучка Сонька никого звать не намерена, вообще сомневаюсь, что она вспомнит, какой сегодня день, ну, хоть мы... Вы Соньку видели небось, знаете, что это за птица?

— Не имел такого удовольствия, — сухо отозвался Струмилин. — Однако наслышан сверх всякой меры.

— Во-во! — хмыкнул лейтенант. — Воистину — сверх всякой меры. Так что вот: приходите к нам после

девяти. Я раньше не смогу — на дежурстве. Адрес Костин знаете? Красных Зорь, двадцать один-а, квартира девятнадцать. А у нас квартира двадцать.

— Извините, не приду, — неловко отказался Струмилин. — Я нарочно еду встретиться с друзьями и сходить к Косте на могилку. И нынче же вечером обратно в Нижний.

Лейтенант вытянулся, кинул ладонь к козырьку, словно в стареньком «Рено» сидел перед ним сам министр внутренних дел, а не худой парень в мятой футболке, которого он только что мучил со всей строгостью закона:

— На кладбище будешь — передай Косте привет от Гоши Володина. От меня, значит.

— Сделаю, — кивнул Струмилин и с места взял скорость, опасливо поглядывая в зеркальце заднего вида. Надо же было ляпнуть такое: на поминки, дескать, приехал, а нынче же вечером — обратно. Одно из двух: или вечером сядет за руль пьяный вдрабадан — с поминок-то приличные люди в ином состоянии не уходят! — или вообще на них не будет пить. А разве такое возможно?!

Просто странно, что лейтенант Гоша не обратил на это внимания. Молодой еще. Вот тот изверг в форме, Васильев, непременно обратил бы!

* * *

— Внимание, дамы и господа! Просьба пристегнуть привязные ремни и воздержаться от курения. Наш самолет приступил к снижению и через несколько минут совершит посадку в московском международном аэропорту Шереметьево-2. Напоминаем вам, что, в интересах вашей же безопасности, на борту по-прежнему запрещено пользование мобильными телефонами. Самолет вступил в полосу низкой облачности, поэтому

просим извинить за возможные неприятные ощущения. Спасибо за внимание.

Иначе говоря, возможна болтанка. Джейсон поморщился. Это не неудобства, а большая гадость! Он в принципе хорошо переносил полет, но стоило вспомнить, как трясло при вылете из Сиднея... Желудок вдруг вздымался к горлу и там замирал. Джейсон справился с тошнотой, но многим пассажирам потребовались пакеты. Его соседка, весьма элегантная дама бальзаковского возраста, была среди них.

Джейсон, конечно, тактично отворачивался, однако никакого сочувствия не ощущал. Ведь еще в аэропорту Сиднея эта пассажирка обратила на себя его внимание своей подчернуто-ледяной, даже брезгливой ко всему окружающему физиономией, да и потом, оказавшись его соседкой, держалась отчужденно, даже не ответила на любезное приветствие, а только напустила на себя еще больше холода.

«Возможно, она опасается моих сексуальных домогательств? — подумал Джейсон. — Ведь эта феминистская американская мода доползла и до тихой, патриархальной Австралии! — Или, еще того лучше, лесбиянка-мужененавистница? От такой лучше держаться подальше». И он оставил все попытки быть приятным.

Потом, впрочем, лед был сломлен. Они даже разговорились, и Джейсону была поведена причина ее необычайной сдержанности и холодности.

Оказывается, Келли Рассел — а она направлялась в Россию впервые в жизни — специально предупреджали насчет этих русских, которые, как известно, причина всех бед, которые приключаются в цивилизованном мире. Это раньше, когда «железный занавес» только-только упал и они бросились в страны цивилизованного мира, их можно было сразу узнать.

Как правило, они были чрезмерно толстыми, громко-голосыми, носили нелепые малиновые пиджаки, за все платили наличными, причем доставали пачки долларов из карманов и швыряли на стол, не считая. Пальцы они при этом держали растопыренными — «веером», как говорят сами русские. Таких особей можно было легко выделить в толпе и держаться от них подальше. Но времена изменились. Русские изменились тоже. Теперь они — не все, конечно, а самые умные, то есть самые опасные! — похудели, вставили хорошие зубы, выучили английский (вернее, американский) язык, надели элегантные костюмы и обувь из настоящей кожи. Теперь они не расшвыривают деньги в пределах свободного мира, а, наоборот, норовят обобрать его, как только могут.

Накануне отлета «в эту варварскую Россию» Келли Рассел выслушала не меньше полусотни жутких историй о том, как элегантные, обаятельные джентльмены втираются в доверие к привлекательным австралийским бизнесвумен, прельщая их блестящими проектами выгоднейших инвестиций в самые стабильные отрасли полуживой российской промышленности. Знакомиться эти пройдохи почему-то предпочитают именно в самолетах, отчего Келли заранее надела на свое хорошенькое личико ледяную маску. Джейсон еще в аэропорту показался ей подозрительно-элегантным, а уж когда она услышала, как провожающий называет его «мистер Полякофф», то и решила, что начинают сбываться самые мрачные прогнозы ее приятельниц.

— Да, моя фамилия Полякофф, — сказал Джейсон. — И — вы только, ради бога, не пугайтесь, миссис Рассел! — во мне в самом деле есть толика русской крови! Ведь родители моего деда некогда вывезли его в Новый Южный Уэльс — это произошло в самом

начале столетия. У деда был совместный бизнес с австралийскими овцеводами, а эти вложения помогли ему сохранить капиталы потом, когда богатые люди в России лишились всего, до последнего гроша. Фирма же «Полякофф и Туитмен» (так звали австралийского партнера) процветала, хотя и называлась теперь просто «Вуул Полякофф».

— О, так вы тот самый «шерстяной Полякофф»! — вспомнила в это мгновение Келли, и лицо ее окончательно прояснилось.

— Да, — кивнул Джейсон, — Тот самый. Поэтому меня совершенно нечего бояться. Да и русский-то я всего лишь на четверть, потому что и дед, и отец женились уже на австралийках. А мои дети — если у меня когда-нибудь будут дети...

— Как? — перебила Келли, необычайно вдруг оживившись. — У вас нет детей?! Но почему? Ах, извините мою нескромность, сэр...

— Охотно извиняю, — легко улыбнулся Джейсон. — А детей у меня нет прежде всего потому, что я не женат.

— Иисусе сладчайший! — выдохнула Келли, из чего Джейсон сделал вывод, что его собеседница — ярая католичка. — Какая... какая необыкновенная удача! Видите ли, у меня в Сиднее — брачное агентство. О, совсем небольшое, конечно, однако оно пользуется популярностью у клиентов из среднего класса. И возможно, мистер Полякофф слышал, что русские невесты всегда пользуются во всем мире огромным спросом. И многие австралийские холостяки и вдовцы пытаются счастье наудачу, посылая свои брачные объявления в русские газеты. Однако, увы, в России жулики — не только мужчины, но и женщины. Не передать, сколько раз доверчивые австралийцы сталкивались с такой ситуацией: они получают снимок прекрасной женщины (а некоторым даже присылали видео, чтобы